

Приключения миглика

Миглик и потерянная минута

Василий Рябов

Василий Рябов

Миглик и потерянная минута

«Автор»

2026

Рябов В.

Миглик и потерянная минута / В. Рябов — «Автор», 2026

Миглик — маленькое пушистое существо с добрым сердцем, волшебным Кулоном и удивительным даром чувствовать, когда со Временем что-то не так. Однажды в тихом Пушкинкино происходит невозможное: из хода часов исчезает целая минута — 11:48. Никто, кроме Миглика, этого не замечает. Но Кулон начинает светиться, в переулке появляется загадочная дверь, а за ней открывается Мигдол — волшебное место между временами. Вместе с ворчливым, но надёжным Тиком Миглик отправляется на поиски пропавшей минуты. Его ждут странные дороги, говорящие вещи, тайны старых часов и важное открытие: даже самый маленький миг имеет значение, если кто-то готов его заметить. Тёплая сказка о дружбе, внимательности и маленьких чудесах, которые меняют всё.

© Рябов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычное утро в Пушкинкино	5
Глава 2. 11:48, которого не было	8
Глава 3. Только один глазок	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Рябов

Миглик и потерянная минута

Глава 1. Обычное утро в Пушинкино

Утро в Пушинкино начиналось со скрипа.

Скрипела ставня на окне Миглика — та самая, которая никогда не закрывалась до конца, сколько бы он её ни подпирал. Миглик открыл один глаз, потом другой, и минуту просто лежал, слушая, как где-то за окном кто-то из соседей выбивает коврик, а вдалеке звенит колокольчик молочника.

Потом он вспомнил, что сегодня был день, когда пекарь на площади обещал новые булочки с корицей, и одним движением скатился с подушки на пол.

Шарфик, разумеется, остался лежать на стуле совершенно не так, как его оставляли вчера — то есть аккуратным кольцом. Сейчас он свисал одним концом чуть ли не до самого пола, а другим зацепился за спинку стула, будто за ночь решил проверить, крепко ли держится мебель.

— Ну сколько можно, — пробормотал Миглик, дёргая за конец.

Шарфик не поддался. Миглик дёрнул сильнее. Стул пошатнулся, но шарфик держался с таким упрямством, будто у него была своя воля. В конце концов Миглик решил зайти с другой стороны, наступил на второй конец шарфика собственной лапой — и с достоинством запутался ещё больше.

Когда десять минут спустя он всё-таки выбрался из этой истории, шарфик болтался на нём криво, зато победа осталась за Мигликом. Одно ухо у него после борьбы стояло чуть смешнее другого, но он этого не замечал.

Завтрак нашёлся не сразу. Миглик сунул лапу в свою дорожную сумочку — привычно, не глядя, — рассчитывая нащупать вчерашний сушёный орех. Лапа наткнулась на что-то деревянное и продолговатое. Он вытащил находку на свет.

Это оказалась деревянная ложка. Самая обыкновенная, чуть облупленная с одного края.

Миглик повертел её в лапах, посмотрел на неё одним глазом, потом другим.

— И как ты сюда попала, — сказал он ложке серьёзно, будто та могла ответить.

Ложка, разумеется, не ответила. Миглик пожал плечами, вспомнил, что клал её туда, кажется, ещё прошлой осенью — зачем, уже и не вспомнить, — и за неимением сушёного ореха отправил ложку обратно в сумку, туда же, где, судя по всему, жили ещё несколько предметов, о существовании которых он давно забыл.

На груди у него, как всегда, висел маленький круглый Кулон. Миглик к нему настолько привык, что почти не замечал его — так же, как не замечаешь собственные уши, пока кто-нибудь не спросит, слышишь ли ты. Кулон просто был. Тёплый, гладкий, немного тяжелее, чем казался на вид.

Уже на улице, шагая мимо низких деревянных домиков Пушкинкино, Миглик встретил соседку — пожилую пушистую особу с вязаньем подмышкой, которая каждое утро сидела у своей калитки и знала все новости раньше самих новостей.

— Опять шарфик не в ту сторону надел, — заметила она, окинув Миглика взглядом.

— Он сам так решил, — серьёзно ответил Миглик.

Соседка фыркнула, но улыбнулась.

— А эта твоя штучка на груди, — она кивнула на Кулон, — всё блестит помаленьку? Носишь ведь её, сколько тебя помню, а откуда взял — поди пойми. Никто толком и не знает.

— Наверное, — согласился Миглик и тут же забыл об этом, потому что взгляд его зацепился за забор чуть дальше по улице.

На заборе висела свежая, немного покосившаяся табличка: «НЕ ЗАГЛЯДЫВАТЬ». Ничего больше. Ни объяснений, ни имени хозяина.

Миглик замедлил шаг.

Потом ещё замедлил.

Потом остановился совсем.

— Один глазок, — прошептал он себе под нос, — это же не считается заглядыванием по-настоящему.

Он привстал на цыпочки, ухватился за верхнюю доску забора и подтянулся, чтобы заглянуть внутрь. За забором оказался самый обыкновенный огород с грядками моркови и одним сердитым пугалом. Никакой тайны. Никакого сокровища.

Миглик почувствовал лёгкое разочарование пополам с облегчением и как раз собирался прыгнуть обратно, когда шарфик — тот самый, непослушный, — зацепился за верхушку забора. Миглик дёрнулся вперёд, но шарфик держал крепко, и в результате он повис между забором и землёй в довольно неудобной позе, болтая короткими лапами в воздухе.

— Помогите, — сказал он без особой паники, скорее со спокойным смирением того, кому не впервой.

Мимо, к счастью, шёл булочник с полным подносом свежей выпечки, и запах корицы был таким сильным, что Миглик на мгновение забыл о своём положении и просто зажмурился от удовольствия.

Булочник, не торопясь, отцепил шарфик, помог Миглику спуститься на землю и, покачивая головой, сунул ему одну булочку — то ли в награду за живописность зрелища, то ли просто по доброте.

Остаток утра прошёл спокойнее. Миглик сидел на низкой каменной оgrade у площади, ел булочку, болтал короткими лапами и наблюдал, как Пушинкино медленно просыпается: кто-то развешивал бельё, кто-то спорил с торговцем из-за цены на яблоки, где-то вдалеке заскрипела тележка.

Городские часы на башне, старые и слегка облупленные, показывали одиннадцать сорок пять.

Миглик посмотрел на них без особого интереса — просто потому, что они были прямо перед глазами, — и уже собирался отвернуться, когда ему вдруг показалось, что минутная стрелка дёрнулась как-то не так. Слишком резко. Слишком неровно.

Он моргнул.

Часы показывали одиннадцать сорок шесть, как и должны были.

— Показалось, — сказал он вслух и, доев булочку, спрыгнул с оgrade, собираясь отправиться дальше по своим делам — ещё не подозревая, что уйти далеко ему сегодня не удастся.

Глава 2. 11:48, которого не было

Миглик не успел отойти от площади и десяти шагов, как что-то — он и сам не смог бы объяснить, что именно, — заставило его остановиться и обернуться на часы.

Может быть, дело было в том самом утреннем ощущении, неправильном подрагивании стрелки, которое так и осталось где-то в затылке, не совсем забытое, сколько бы он ни убеждал себя, что показалось.

Он вернулся к башне и встал прямо напротив, задрал голову.

Одиннадцать сорок шесть сменилось одиннадцатью сорок семь спокойно, как и полагается времени. Миглик выдохнул и почувствовал себя немного глупо — стоит тут, смотрит на часы, как будто они собираются выкинуть какой-то фокус.

— Вот видишь, — сказал он сам себе, — всё в порядке.

Но уходить почему-то не спешил. Постоял ещё немного, глядя, как минутная стрелка медленно, будто нехотя, ползёт дальше.

И тут она дёрнулась. Резко, рывком, точно кто-то невидимый толкнул её вперёд.

Миглик моргнул раз, другой.

Стрелка стояла на «сорок семь». Потом — точно так же, без всякого перехода — оказалась на «сорок девять».

— Может, я моргнул слишком долго, — пробормотал он. — Может, просто не заметил, как она прошла между делом.

Он подождал ещё немного, для верности, глядя на стрелку так пристально, что глаза начали слезиться. Одиннадцать сорок девять благополучно превратилось в одиннадцать пятьдесят — обычным, положенным образом, минута за минутой.

Только вот минуты сорок восемь между сорок семь и сорок девять не было. Миглик готов был поклясться в этом.

Он огляделся вокруг, ища подтверждения тому, что не сходит с ума. Мимо шла торговка с корзиной, не глядя ни на часы, ни на Миглика. Двое соседских малышей играли в пятнашки у фонтана, будто ничего не произошло. Голубь на карнизе башни чистил перья с совершенно равнодушным видом.

— Простите, — обратился он к торговке, — а сколько сейчас времени, по-вашему?

Та мельком глянула на башню.

— Без десяти двенадцать, — ответила она и пошла дальше, не замедляя шаг.

Миглик посчитал в уме. Всё сходилось. Одиннадцать пятьдесят — без десяти двенадцать, всё верно. Никто, кроме него, не заметил ничего странного. Может, действительно просто задумался, отвлекся, прослушал одну минуту мимо ушей?

Он решил проверить ещё раз — на этот раз внимательнее, не мигая, следя за стрелкой так, будто от этого зависела вся его жизнь.

Одиннадцать пятьдесят один. Пятьдесят два. Пятьдесят три. Всё шло ровно, минута за минутой, без единого сбоя.

Миглик почти успокоился. Может, и правда показалось. Может, время просто немного пошутило, а он принял шутку слишком всерьёз.

Но что-то внутри — не в голове, а где-то глубже — упрямо твердило, что дело не в этом. Что одиннадцать сорок восемь действительно было — и его действительно не стало.

Левое ухо Миглика, то самое, которое иногда стояло чуть смешнее правого, вдруг медленно опустилось — само по себе, будто у него была собственная тревога, отдельная от хозяйина.

— Ой-ой, — прошептал Миглик, — время шалит.

Он произнёс это вслух, ни к кому не обращаясь, но стоявший неподалёку пекарь, тот самый, что утром спас его от забора, услышал и с улыбкой отозвался:

— Во что играешь, дружок? В сыщика?

Миглик не ответил. Он смотрел на Кулон. Тот светился.

Не ярко, не ослепительно. Мягким, тёплым золотистым светом, будто внутри медальона зажгли крошечную свечу. Миглик поднёс лапы к Кулону, но не решился коснуться его — просто смотрел, как свет пульсирует, точно кто-то дышит внутри металла.

Такого раньше не случалось. Никогда. Сколько Миглик себя помнил, Кулон был тёплым, гладким и молчаливым. А сейчас он словно проснулся.

Свет становился ярче, и вместе с ним пришёл звук — тихий, почти неслышный, будто кто-то далеко-далеко прошептал одно и то же слово несколько раз подряд:

«тик... тик... тик...»

Миглик резко обернулся, ожидая увидеть кого-то за спиной. Никого не было. Только пустой переулок за площадью, тот самый, где обычно сушилось бельё соседей и стояли пустые бочки.

Только сейчас бельё исчезло. И бочки тоже.

Вместо них, там, где раньше была самая обыкновенная кирпичная стена переулка, теперь стояла дверь.

Она была невысокой, тёмной — казалось, сделанной из старого дерева и одновременно из чего-то ещё, того, что не разглядишь при обычном свете. Ручки на ней не было. Вместо неё, прямо в центре, был вырезан знак — спираль, закрученная так плотно, что взгляд, попав внутрь неё, будто сам начинал кружиться.

Миглик стоял неподвижно дольше, чем стоял когда-либо в жизни перед забором с надписью «НЕ ЗАГЛЯДЫВАТЬ».

Свет Кулона мягко отражался на деревянной поверхности двери, и от этого спираль казалась почти живой — будто медленно поворачивалась, хотя, конечно, никуда не поворачивалась на самом деле.

Позади него прошла торговка с корзиной — мимо входа в переулок, даже не повернув головы к двери. Казалось, она вовсе её не видела.

Миглик оглянулся на неё, потом снова на дверь.

Никто, кроме него, эту дверь не видел.

Хвост у него за спиной сам собой начал закручиваться туже, чем обычно — верный признак того, что где-то внутри маленького пушистого существа страх и любопытство уже сцепились не на шутку.

Глава 3. Только один глазок

Миглик простоял перед дверью так долго, что успел придумать не меньше десяти причин уйти домой и не меньше двадцати причин остаться.

— Наверное, там ничего интересного, — сказал он вслух, обращаясь то ли к двери, то ли к самому себе. — Наверное, просто старый сарай. Или чулан. Или ещё один огород с морковкой. Дверь молчала. Спираль на ней слабо поблёскивала в свете Кулона.

— А если там что-то опасное, — продолжал Миглик, — то я просто на секундочку загляну и сразу закрою.

Он сделал шаг вперёд и тут же отступил на два назад.

— Только один глазок, — прошептал он наконец, будто это было настоящее заклинание, способное сделать любую глупость немного безопаснее. — Только один глазок, и всё.

С этими словами он вытянул лапу и осторожно толкнул дверь.

Она поддалась легко, почти без усилия, будто ждала именно этого прикосновения. За ней не было ни сарая, ни чулана, ни огорода. Там было что-то, чему Миглик пока не мог подобрать слова: мягкое сияние, точно сразу несколько закатов и рассветов перемешались друг с другом, и дорога — не обычная, каменная или земляная, а сотканная из самого света, — уходящая куда-то вдаль.

Миглик замер на пороге, одной лапой всё ещё держась за раму двери, как за последнюю связь с привычным миром.

— Только один глазок, — повторил он тише, уже не так уверенно, и шагнул внутрь.

Дверь за спиной осталась открытой, но стоило Миглику сделать три шага по светящейся дороге, как он обернулся — и не увидел ни двери, ни переулка, ни Пушкинкино вовсе. Только то же самое мягкое сияние, растянувшееся во все стороны, словно кто-то перевернул небо и землю местами.

Он не почувствовал падения или полёта. Просто в одно мгновение всё вокруг стало другим.

— Эй! — крикнул Миглик в пустоту, чувствуя, как сердце застучало где-то в горле. — Есть тут кто-нибудь?

Голос улетел вперёд и растворился, не оставив даже эха. Тишина была такой плотной, что Миглик слышал собственное дыхание — быстрое, взволнованное.

— Пекарь! — позвал он на всякий случай, хотя и понимал, что зовёт того, кто точно не мог его услышать. — Соседка!

Никто не отозвался. Только светящаяся дорога тянулась вперёд, спокойная и равнодушная к его крику.

На мгновение Миглику стало по-настоящему страшно — так, что хвост сам собой поджался, а лапы захотелось спрятать куда-нибудь под себя и просто сесть на месте. Он подумал, что, может быть, стоило остаться в Пушкинкино, заняться чем-нибудь самым обычным и сделать вид, что никакой двери не было.

Но дом, переулок и всё привычное остались где-то там, за захлопнувшейся тишиной, и сидеть на месте было ничуть не менее страшно, чем идти дальше.

Миглик глубоко вдохнул, взял себя в лапы — в прямом и переносном смысле — и пошёл вперёд, туда, где силуэты вдалеке постепенно превращались во что-то, отдалённо похожее на башни.

Башни эти были совсем не такие, как в Пушкинкино: перекошенные, будто выросшие не по прямой линии, а закрученные по спирали, точно улитки, застывшие на полпути к небу.

Земля под лапами оказалась странной — не твёрдой и не мягкой, будто ступаешь по чему-то среднему между облаком и старым ковром. Пахло здесь пылью и мёдом одновременно, и ещё чем-то, отдалённо напоминающим запах старых книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.